

Хохоча и плача...

Предисловие

Признаться, ничего более странного я в своей жизни не писала.

Никогда ни над чем так не хохотала, пока работала над книгой. Никогда не испытывала такого холодящего страха, поставив точку. Вообще, вдруг, в середине жизни совершила некий поступок, какой совершают самоубийцы или уж вовсе отпетые расстриги, которым нечего терять.

Я написала роман, от которого должны были отшатнуться все.

Помнится, когда «Синдикат» вышел, Дмитрий Быков написал легкую и доброжелательную в целом рецензию, в которой, среди прочего, говорилось — мол, этот роман многим понравится: евреям он должен понравиться, потому что так-то и так-то... антисемитам он должен понравиться, потому как то-то и то-то...

И все это было верно в точности до наоборот: еврейская Москва была взбешена, русский Иерусалим пришел в ужас и ярость.

Но я не могла не написать этой книги.

Дело в том, что в середине жизни (и спустя десять лет после прыжка в Израиль) судьба вернула меня в Россию, где три года я пробыла в должности чиновника Сохнута — организации известной, международной, существующей для того, чтобы помогать людям,

6 имеющим право на репатриацию в Израиль, туда переместиться. Хотя, положа руку на сердце, никогда не понимала этих хлопот: по моим понятиям и опыту собственной судьбы, тот, кто хочет в той стране оказаться, там и оказывается, согласно своим намерениям.

Но, так или иначе, а мне довелось три года покрутиться и покипеть в жерле этого интереснейшего вулкана. Довелось поездить по России и сопредельным ей странам, вперяясь цепким писательским глазом в лица и картинки; довелось попадать в самые дикие и опасные ситуации, с удовольствием вылавливая из гула толпы словечки и фразы; довелось черпать из этого источника полной поварешкой то, из чего потом варился густой и пахучий суп моей прозы.

Терпеть не могу произведений, написанных в репортажном режиме по следам собственных перемещений, размышлений и чувств.

Терпеть не могу литературы, оглашающей меню вчерашнего обеда автора и его семьи.

«Вы написали это по следам собственной жизни и деятельности в Москве?»

Само собой, я вспылчиво это отрицала. Полностью!

«Но ведь это вы — главная героиня романа!» — говорили мне.

«Ну, что вы, — отвечала я, — это просто литературный образ».

«Но ведь ее, как и вас, зовут Диной!»

«Ну и что, — отзывалась я. — Это для удобства. Для осуществления творческих задач».

Ежу, что называется, было понятно, что по всем правилам создания романа-гротеска, автор старается откредитоваться от подозрений в реальности событий и делает это в интересах благоразумия, осторожности

и большей безопасности: это развязывает руки и отводит несущиеся в твою сторону обвинения, судебные иски, а порой и физические нападения взбешенных и обиженных прототипов. Писательство порой — весьма опасное занятие. Изображать реальные события в художественной литературе — это, хм-м...любой вам скажет...

Но дело в том, что я не изображала реальных событий! Вся чудовищная фантазмагория на страницах этого гигантского комикса — плод моего воображения. Персонажи, узнаваемые (горжусь!) чуть ли не с первого слова и первой ужимки, — всего лишь куклы, вернее, рисованные фигурки, с которыми я поступаю ровно с той свободой действий, с какой художник — автор комиксов распоряжается в своей работе.

Реальный человек, буквально перенесенный на страницы романа, там только один: иерусалимский продавец шляп, на чем лотке я действительно приглядела себе роскошную черную шляпу, которую, кстати, ношу до сих пор — ее можно увидеть на моей голове на многих фотографиях. Реальна его смерть в очередном взрыве, реальны мои жгучие слезы по нему, почти не знакомому мне человеку.

А еще реален Иерусалим, взрывавшийся в начале двухтысячных с какой-то дьявольской регулярностью. Реальны падающие башни-близнецы; реальны дети, жертвы дискотеки «Дельфинариум», реален «Норд-Ост»; реален весь горящий, сотрясающийся в корчах, в терроре, в горе и ярости мир.

Весь человеческий мир, ступивший на порог третьего тысячелетия.

Роман-комикс «Синдикат» стоит, конечно, особняком — на той умозрительной полке, где стоит все, мною написанное. Мысленно я всегда отставляю его подаль-

8 ше: слишком большим зарядом взрывчатки он начинен.

Он вышел двадцать лет назад; сейчас, читая его в связи с выходом проекта собрания сочинений, я с некоторой уважительной оторопью, уже со стороны погружалась в описанные там события. Они описаны с отчаянной, последней храбростью раненого гладиатора.

Помнится, первое время после выхода книги я была вполне готова к обвинению в клевете со стороны самых разных организаций и лиц; готова к судебному иску и даже к тюремному заключению.

В то время я уже вернулась домой, жила в пригороде Иерусалима; до меня доносились отзвуки московских скандалов разных калибров и разной температуры, вызванных книгой.

Мне рассказывали о двух — в разных странах — заседаниях, где на повестке дня стоял единственный вопрос: что со мной делать. И оба раза меня спасли — по различным соображениям — двое умных и пронизательных людей. В Москве это был раввин, кстати, один из прототипов героев романа. Он выслушал все высказывания собравшихся, видимо, ужаснулся предложениям — как именно стоит расправиться с такой гадиной — и сказал: «В отличие от вас я прочитал все книги этого писателя. И вот что вам скажу: художник имеет право изображать жизнь такой, какой он ее видит и понимает. Уймись. Не позорьтесь. Стидно вас слушать!» — поднялся и покинул грозный синклит.

В недрах самого «Синдиката» буря была еще более зловещей, тем паче, что ивритоязычные столпы организации не могли прочесть написанную по-русски книгу; а разъяренные прототипы, заинтересованные в моей казни, постарались донести до начальства всю мерзость изображенного.

И не то чтобы зашатался престол могущественных сил, но Генеральный Синдик вызвал к себе кого там пониже рангом и распорядился «перевести этот документ на иврит в сорок восемь часов». Если учесть, что «документ» представлял собой несколько сотен страниц, можно представить себе ужас того, кому была поручена эта нехилая работка.

И вновь меня спасли: на сей раз человек, вообще не читавший ни одной моей строчки, в том числе и этой, опальной, взрывоопасной книги.

«Э-э-э, — поморщился он. — Что вы собираетесь с ней делать, с этой безумной бабой? Убить? Это слишком хлопотно. Оставьте ее в покое, ...если, конечно, не хотите продолжения этого романа».

Так оно все постепенно и улеглось. Я осталась жива и пока гуляю на свободе. Прошло много лет, в течение которых я написала еще с десятков романов и прочих текстов и совсем забыла «Синдикат». А если вспоминала, то с расстояния времени он уже казался мне слишком погруженным в узкую тему, слишком перегруженным частностями и подробностями, не всегда понятными человеку постороннему.

И тогда...

Нет, это началось уже несколько месяцев спустя после выхода книги. Я стала получать довольно странные письма от читателей. Это были русскоязычные служащие, просто чиновники, винтики грандиозных международных ведомственных махин типа ЮНЕСКО или ООН.

«Как?! — писали мне. — Как вам удалось так точно изобразить этот вязкий бюрократический кошмар, этот дурной сон, этот гротеск, в котором живет и действует моя организация!» «Пересмотрел списки всех сотрудников за минувшие десять лет, — писал другой, — но не обнаружил вашей фамилии. В каких же годах вы здесь работали? Ведь невозможно так глубоко проникнуть

10 в механизмы жизнедеятельности подобного монстра, не варясь в самой скрытой его глубине!»

Так я постепенно поняла, что своим романом задела какие-то чувствительные точки — общественные, психологические, возможно, межгосударственные. Я поняла, что нечаянно забрела на минное поле, по которому пробежала, как ребенок, плача, хохоча и высоко задирая ноги.

Вот он, этот роман. Спустя двадцать лет я читала его, по-прежнему: фыркая от смеха и леденя от скорби.

Дина Рубина

СИНДИКАТ

РОМАН-КОМИКС

Автор, ранее уже судимый, решительно отмечает малейшие поползновения кого бы то ни было отождествить себя с героями этого романа.

Организаций, министерств и ведомств, подобных Синдикату, существует великое множество во всех странах.

Персонажи романа — всего лишь рисованные фигурки, как это и полагается в комиксах; даже главная героиня, для удобства названная моим именем, на самом деле — набросок дамочки с небрежно покрашенной сединой. И все ее муторные приключения в тяжелой стране, давно покинутой мною, придуманы, взяты с потолка, высосаны из пальца. Нарисованы.

Сама-то я и не уезжала вовсе никуда, а все эти три года сидела на своей горе, любясь башнями Иерусалима, от которого ни за какие деньги не согласилась бы отвести навеки замороженного взгляда...

Часть первая

...о еврейском народе, народе религиозного призвания, нужно судить по пророкам и апостолам.

Николай Бердяев

Еще один вечный жид напялил на себя галстук-бабочку.

Джозеф Хеллер.

«Голд, или Не хуже золота»

Глава 1

В СЛУЧАЕ ЧЕГО...

Утром Шая остановил меня на проходной и сказал, чтобы я передвинула стол в своем кабинете в прежнее положение, а то, не дай Бог, в случае чего, меня пристрелят через окно в затылок.

Решив побороться за уют на новом месте, я возразила, что если поставить стол в его прежнее положение — боком к окну, — то мне, в случае чего, отстрелят нос, а я своим профилем, в принципе, довольна.

Мы еще попрепирались немного (мягко, обтачивая друг на друге пресловутую библейскую жестокость), но в иврите я не чувствую себя корифеем ругани, как в русском. В самый спорный момент его пиджак заурчал, забормотал неразборчиво, кашлянул, — Шая весь был опутан проводами и обложен рациями. Время от времени его свободный китель

14 неожиданно, как очнувшийся на вокзальной скамье алкоголик, издавал шепелявые обрывистые реплики по-русски — это два, нанятых в местной фирме, охранника переговаривались у ворот. Тогда Шая расправлял плечи или переминался, или громко прокашливался, — словом, совершал одно из тех неосознанных движений, какие совершает в обществе человек, у которого забурчало в животе.

Часом позже всех нас собрали в «переключке» для еженедельного инструктажа: глава департамента *Бдительности* честно отработывал зарплату. А может, он, уроженец благоуханной Персии, искренне считал, что в этой безумной России каждого из нас подстерегают ежеминутные разнообразные ужасы?

В случае чего, сказал Шая, если будут стрелять по окнам кабинетов, надо падать на пол и закатываться под стол.

Я отметила, что огромный мой стол, в случае чего, действительно сослужит хорошую службу: под ним улягутся в тесноте, да не в обиду все сотрудники моего департамента.

Если будут бросать в окна бутылки с «коктейлем Молотова», продолжал он, всем надо спуститься на первый этаж и выстроиться вдоль стены в укрепленном коридоре возле департамента *Юной стражи Сиона*. Не курить. Не разговаривать. Соблюдать спокойствие. А сейчас порепетируем. Па-ашли!

Все шестьдесят семь сотрудников московского отделения Синдиката гуськом потянулись в темный боковой коридор в отсеке *Юной стражи Сиона*. Выстроились вдоль стены, негромко и невесело перешучиваясь. Постояли... В общем, все было как обычно — очень смешно и очень тошно.

Прошли минуты две.

Все свободны, сказал Шая удовлетворенно. В его идеально выбритой голове киллера отражалась лампа дневного света, густые черные брови шелковистыми гусеницами сползли со лба к переносице. Пиджак его крякнул, буркнул: «Коля... жида в домике?... дай сигаретку...»

За шиворотом у него жил диббук, и не один...

* * *

О том, что в моей новой должности ключевыми словами станет оговорка «в случае чего», я поняла еще в Иерусалиме, на инструктаже главы департамента *Бдительности* Центрального Синдиката.

Мы сидели за столом, друг против друга, в неприлично тесной комнатенке в их офисе в Долине Призраков — так эта местность и называлась последние несколько тысяч лет.

Глава департамента выглядел тоже неприлично молодо и легкомысленно. Была в нем сухопарая прожаренность кибуцника: выгоревшие вихры, брови и ресницы, и веснушки по лицу и жилистым рукам. Меня, впрочем, давно уже не вводили в заблуждение ни молодость, ни кибуцная затрапезность, ни скромные размеры кабинета. Я знала, что это очень серьезный человек на более чем серьезной должности.

На столе между нами лежали: ручка, затертая поздравительная открытка и ежедневник за 97-й год...

— ...и ты должна быть начеку постоянно, — говорил он. — Проснулась утром, сварила кофе, выгляни между глотками в окно: количество автомобилей во дворе, мусорные баки, кусты, качели — все ли так, как было вчера?.. Перед тем, как выйти из квартиры,